

Ю.В. ВАЛЕВИЧ

ТЕОРИЯ ОБЩЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Рассматриваются недостатки использования традиционных подходов, базирующихся на неоклассической теории общего экономического равновесия, при изучении стран с переходной экономикой. Анализируются онтологические основания, из которых исходит альтернативное неоклассическому направление – институционализм.

This paper considers the disadvantages of using the traditional approaches, based on the neoclassical theory of general economic equilibrium, for an analysis of transition economies. The paper discusses the ontological grounds of the alternative economic theories – the neo-institutional economic theory and the new institutional economic theory.

Проблемы, с которыми столкнулись страны Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР на пути перехода к рынку, заставили экономистов обратить более пристальное внимание на то, *обеспечивает ли экономическая наука нас теми инструментами, которые позволяют построить эффективную рыночную экономику*. Оказалось, что мер либерализации и макроэкономической стабилизации, предписываемых традиционными подходами, базирующимися на неоклассической теории общего экономического равновесия, недостаточно для реализации этой цели.

Согласно данной теории рыночная экономика обладает внутренним механизмом достижения устойчивого динамического равновесия и не нуждается в существенной помощи со стороны государства. Если правительство проводит твердый антиинфляционный курс в денежно-кредитной и налогово-бюджетной сферах, то основные проблемы рынок решает автоматически. “Невидимая рука” рыночных сил, максимизируя экономическую эффективность на микроуровне, автоматически (хотя и не всегда мгновенно) обеспечивает соответствующую переориентацию поведения таким образом, что все возможности для получения прибыли и роста, существующие внутри ресурсных ограничений, будут использованы полностью. Тем самым задача правительства – задействовать экономические регуляторы таким образом, чтобы не мешать “невидимой руке” толкать субъектов экономики к состоянию равновесия, а самой экономике соответственно расти в максимально возможном устойчивом темпе. Разумеется, в разных государствах наиболее адекватными оказываются различные концепции и модели макроэкономической политики, однако в странах с переходной экономикой использование такого подхода не привело к желаемым результатам.

Главной причиной такого положения дел явилось пренебрежение институциональными факторами, которые в условиях стран с переходной экономикой играют определяющую роль. Большинство проблем, возникающих в ходе трансформации экономической системы, обусловлены не чисто экономическими причинами, а сложным взаимодействием экономических и не-

экономических факторов, связанных с изменением институциональной среды. Слабое развитие (или отсутствие) ряда важнейших рынков, пробелы в законодательстве, господство “нерыночных” типов поведения экономических субъектов и т. д. показывают, что основной задачей экономической политики правительства должно стать создание соответствующих институтов рыночной экономики, соответствующей институциональной среды, в рамках которой действие “невидимой руки” приводило бы к оптимальным результатам. Эти обстоятельства вынуждают обратиться к альтернативным подходам, позволяющим исследовать роль *институтов* в функционировании экономики, – подходам неоинституциональной и новой институциональной экономической теории. Несмотря на кажущуюся идентичность названий, речь идет о принципиально различных направлениях анализа. Первое из них оставляет неизменным “жесткое ядро”¹ неоклассики. Включение в анализ институтов происходит за счет корректировки утверждений из “защитной оболочки”² неоклассической теории. Второе направление, наоборот, отражает попытку создать новую теорию институтов, не связанную с прежними постулатами неоклассической теории общего равновесия.

Неоинституциональную экономическую теорию часто приводят в качестве примера “экономического империализма”: не отказываясь от традиционного микроэкономического инструментария, представители этой теории стремятся объяснить институциональные факторы, являвшиеся ранее внешними для неоклассической теории. При этом они рассматривают институты не столько как таковые, сколько через их влияние на решения, которые принимают экономические субъекты. Институты ограничивают набор альтернатив, из которых может выбрать индивид. Тем самым неоинституционалисты вводят еще один класс ограничений, обусловленных институциональной структурой общества, также сужающих поле экономического выбора. Они отказываются от всевозможных упрощающих предположений, подчеркивая, что экономические субъекты действуют в мире несовершенной информации, плохо или недостаточно определенных прав собственности, в мире жестких институциональных реальностей, полном риска и неопределенности.

Новая институциональная экономическая теория отвергает методы маржинального и равновесного анализа, беря на вооружение эволюционно-социологические методы. Среди представителей этой теории нет двух мнений относительно кризисного состояния неоклассической теории экономического равновесия. Им совершенно ясно, что эта концепция оказалась неприемлемой для решения основных проблем, стоящих перед современным обществом. Говоря о причинах кризиса, некоторые новые институционалисты объясняют сложившуюся ситуацию влиянием на методологию философии неопозитивизма, ставящей акцент на логическом анализе в ущерб эмпирическому содержанию. Другие возлагают ответственность на произошедшую после войны “формалистическую революцию”, выразившуюся в безудержной математизации экономической науки, которая привела к свертыванию в теории реальных экономических явлений. Третьи полагают, что неоклассические теоретики, исходя из своих идеологических убеждений, стремятся сохранить без изменений сложившееся общественное устройство, а поэтому отдают предпочтение “чистой теории”, избегая ставить перед экономической наукой “неприятные” вопросы социального характера, лишая ее тем самым практической пользы.

Но так или иначе новые институционалисты сходятся на том, что абстрактные модели экономического равновесия слишком далеки от действительности, чтобы иметь какое-либо практическое применение. Поэтому первоочередным объектом их критики стали нереалистичные постулаты, выбранные неоклассической системой в качестве исходного пункта исследова-

дования. Особое неудовлетворение новых институционалистов вызывает концепция “рационального экономического человека”, против которой выдвигаются три основных возражения.

Первое из них состоит в утверждении о нерациональности человеческого поведения. В качестве одного из аргументов в пользу этого тезиса новые институционалисты приводят довод о несовершенстве информации. Но ограниченность информации, по их мнению, не единственная и не главная причина нерациональности поведения. Они *в принципе* отвергают постулат, согласно которому все поступки людей подчинены максимизации личной выгоды.

Из отказа от предпосылки о совершенной рациональности следует возражение против другого пункта концепции “экономического человека”, согласно которому общество состоит из качественно однородных единиц. Коль скоро побуждения к экономической деятельности несводимы к максимизации личной выгоды, а человеком движут разнообразные и многочисленные мотивы, нельзя построить единую для всех модель поведения, следовательно, экономические индивиды не могут быть признаны совершенно однородными. Эта идея прослеживается во многих теоретических концепциях новых институционалистов. Например, Дж. Гэлбрейт выделяет в современной экономике два сектора – рыночную и планирующую системы. Для мелких предпринимателей, действующих в рыночной системе, основным мотивом служит стремление сохранить самостоятельность. Но для технотрутуры, которая, по Гэлбрейту, господствует в планирующей системе, главным побуждением становится стремление к власти.

Признание качественной разнородности общества служит мостом для перехода к критике следующего положения неоклассической трактовки субъектов экономической деятельности, состоящего в утверждении о полной свободе “экономического человека”. В схемах экономического равновесия отношения производителя и потребителя (или продавца и покупателя) традиционно представляются равноправными. Как потребитель фирма участвует в создании спроса, а как производитель – удовлетворяет его, послушно выполняя заказ рынка. Поэтому потребитель не только совершенно независим, но и сам диктует волю рынку. Появление монополий, с точки зрения неоклассических экономистов, не меняет сути дела. Несмотря на то что монополия в известных пределах может контролировать цены и издержки, она должна учитывать интересы потребителя, если стремится максимизировать прибыль. Иную картину рисуют новые институционалисты. Если главным мотивом технотрутуры становится не максимизация прибыли, а стремление к власти, то руководимая ею фирма, с одной стороны, заинтересована уже не в выполнении воли рынка, а подчинении его своим интересам; с другой стороны, для достижения этой цели она использует не только экономические средства. Контроль над ценами и издержками, как утверждает Дж. Гэлбрейт, – лишь “частичное проявление более широкой системы использования власти”³, которая включает государство, СМИ и т. д. Приводя в движение все эти рычаги, монополия воздействует непосредственно на потребителя, навязывая ему вкусы и потребности. В результате она приобретает контроль не только над ценами и издержками, но и над спросом, и потребитель полностью теряет свой суверенитет.

Критика концепции “рационального экономического человека” предопределила возражения против всей концепции экономического равновесия. С точки зрения новых институционалистов, оно не свойственно экономике. Такого же взгляда придерживаются и последователи Кейнса. Но если они, обосновывая свою позицию, ограничиваются ссылками на отсутствие свободной конкуренции и вслед за Кейнсом на неизбежную неопределенность, то институционалисты заходят в критике равновесия гораздо дальше. Для

них посткейнсианская аргументация – хорошо известное “общее место”. Процесс монополизации, парализующий механизм рыночного регулирования, отмечался еще Т. Вебленом и Д. Коммонсом, а фактор неопределенности, исключающий возможность установления оптимальных пропорций народного хозяйства, исследовался Г. Мюрдалем. Как считают новые институционалисты, указания на монополизацию и неопределенность вполне достаточно для опровержения концепции равновесия, но мало для понимания первопричины постоянной дисгармонии в экономической и социальной областях, которую надо искать в человеческой психологии.

Далее с позиции нового институционализма недостаток концепции равновесия состоит в том, что она не отражает всеобщие взаимосвязи достаточно полно. В неоклассических схемах прослеживается взаимообусловленность только двух экономических параметров. Но реальная действительность значительно сложнее. Двусторонняя связь явлений существует внутри целого клубка многосторонних связей, не поддающегося подсчету количеств факторов как экономического, так и неэкономического характера. Скажем, уровень занятости зависит не только от масштаба производства или объема эффективного спроса, но и от всего “социального контекста”, включающего господствующую в стране идеологию, специфику традиций, религию, законодательство, политическую обстановку и т. д. до бесконечности.

Кроме того, как продолжают новые институционалисты, сторонники экономического равновесия рассматривают экономические процессы по аналогии с движением маятника, когда нарушение баланса сил рано или поздно заканчивается его восстановлением на прежнем или более высоком уровне. Такой подход сохранился и после “кейнсианской революции”. Ведь многие экономисты продолжают оперировать моделями сбалансированного роста. Однако в действительности серьезное нарушение равновесия часто ведет не к его восстановлению, а к качественному сдвигу в системе, ее трансформации. Поэтому если возможности концепции равновесия как инструмента анализа функционирования экономики крайне ограничены, то они сводятся к нулю с переходом к исследованию ее развития. Между тем еще со времен Веблена институционалисты считают экономическую науку наукой не столько о функционировании, сколько о развитии общества.

Идея развития ведет их к критике традиционного определения предмета экономической теории. Новые институционалисты осознают, что сведение анализа к вопросу рационального распределения ресурсов лишает экономическую теорию исторической определенности. Рационально распределять ресурсы человека вынуждает их относительная ограниченность, присутствующая в любом обществе. Очевидно, что, согласно такому взгляду на предмет, никакой эволюции не происходит: перед всяким обществом независимо от места и времени стоит одна и та же вечная проблема. Путь к преодолению антиисторизма представители новой институциональной экономической теории видят в расширении границ политэкономии до включения всей социальной системы в целом. Предполагается, что это не только позволит учесть все разнообразие взаимосвязей общественных явлений, но и придаст исследованию подлинно эволюционный характер, за который выступал Веблен. Ведь, в отличие от “чисто экономической деятельности” по распределению ресурсов, общественная психология, мораль, право и другие компоненты “социального контекста” постоянно меняются.

Тезис о необходимости изучения общественных отношений во всей их совокупности на основе интеграции всех социальных наук – *центральное положение методологии институционалистов*, вокруг которого группируются остальные ее пункты.

Отметив, что междисциплинарный подход не тождествен механистическому раздвижению рамок экономической теории, новые институционали-

сты подчеркивают необходимость разработки и нового метода, в корне отличного от традиционной процедуры построения теории, включающей три ступени: 1) установление универсальных предпосылок анализа; 2) логическое выведение из них законов; 3) эмпирическую проверку выводов. Такую концепцию метода новые институционалисты называют формальной и приводят возражения, касающиеся каждого из ее элементов.

Во-первых, универсальность исходных предпосылок предполагает освобождение их от конкретного содержания. Например, концепция “рационального экономического человека” претендует на объяснение поведения любого индивида в любых исторических условиях. Из такого рода универсальных постулатов можно сделать логические выводы, но это будут не законы, а лишь “законоподобные утверждения”, так как они опираются не на эмпирические обобщения, а только на логику. Таким “законоподобным утверждением”, по мнению Ч. Уилбера и Р. Харрисона, и является теория общего экономического равновесия⁴.

Во-вторых, формальный метод целиком опирается на дедукцию, а она способна исследовать лишь такую связь явлений, в которой причина однозначно определяет следствие. Но поскольку в действительности подобного рода связь не прослеживаются, формальный метод бесполезен.

В-третьих, институционалисты выражают сомнения в возможности эмпирической проверки теорий экономического равновесия, построенных с помощью формального метода. Может быть, как считают они, формальный метод и применим в физике, так как там, если ученый абстрагируется от конкретного содержания своих моделей, впоследствии он компенсирует это опытной проверкой выводов. Экономист же такой возможности лишен в силу многих причин.

Одна из них состоит в том, что в экономической теории часть данных – особенно касающихся человеческого поведения – в принципе не подвергаются проверке. Человек не рационален. Поэтому если в длительной перспективе его действия более или менее постоянны вследствие устойчивости привычек и обычаев, то на коротком отрезке времени его поступки практически нельзя предсказать, а следовательно, нельзя проверить и объяснить их теорию. Другая причина заключается в невозможности постановки эксперимента в экономической теории. Все явления в природе и обществе связаны круговой причинностью. Однако физик может разорвать ее, искусственно создав условия, при которых часть факторов сохраняют постоянство, а затем проанализировать динамику остальных. Но для экономиста такой путь закрыт. Значит, даже в том случае, когда выводы теории подтверждаются эмпирическими данными, он не сможет быть уверен в правильности самой теории, так как остается в неведении, какой именно из связанных круговой причинностью факторов вызвал наблюдаемое явление. Наконец, третьей причиной является идеологический характер экономической теории. Как считают новые институционалисты, всякий экономист подходит к исследованию с осознанным или бессознательным желанием показать пригодность или непригодность общественного устройства, которое он изучает. Поэтому в случае несовпадения выводов с фактами физик отказывается от своей теории, а экономист продолжает отстаивать и защищать ее от проверки, используя специфику экономических данных и невозможность постановки эксперимента. Инфляция и безработица свидетельствуют о неверности выводов, сделанных на основе концепции экономического равновесия. Тем не менее неоклассические экономисты не спешат отказаться от нее. Вина за противоречие предсказаний фактам возлагается не на саму теорию, а на процедуру проверки, подбор и классификацию данных, воздействие различных внешних факторов и тому подобное.

В итоге, как заключают новые институционалисты, теория экономического равновесия, унаследовав все пороки методологии маржинализма, не

только оказалась не способной к решению наиболее острых проблем современной экономики, но к настоящему времени достигла такой степени формализации, что окончательно потеряла какой бы то ни было контакт с действительностью, выродившись в набор математических абстракций, лишенных экономического содержания. Поэтому движение вперед требует *коренного пересмотра* концепции метода.

В настоящий момент трудно сказать, какой из этих подходов (неоинституциональной или новой институциональной экономической теории) окажется более плодотворным при исследовании стран с переходной экономикой. Это покажет только время. Однако, как нам представляется, обе эти теории имеют как сильные, так и слабые стороны. Поэтому не следует делать окончательный выбор в пользу той или иной теории, так же как нам не стоит отказываться и от традиционных подходов, базирующихся на теории общего экономического равновесия, которые позволяют эффективно исследовать ряд проблем, связанных с функционированием рыночной экономики.

¹ См.: Олейник А. Институциональная экономика. М., 2000. С. 26.

² См.: Там же. С. 26.

³ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1979. С. 150.

⁴ См.: История экономических учений / Под ред. А.Г. Худокормова. М., 1998. С. 350.

Поступила в редакцию 27.06.2002.

Юрий Васильевич Валеевич – аспирант кафедры теоретической и институциональной экономики. Научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент П.С. Лемещенко.

А.М. ДАНИЛОВИЧ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: РОЛЬ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Анализируется один из основных вопросов, связанных с глобализацией – о роли национального государства в современном мире. Делается вывод о том, что результатом данного процесса должна стать коренная перестройка отношений между государственной властью и частным капиталом, в том числе международным.

One of the main questions, dealing with globalization is the question about the role of the national state in modern world. The conclusion is that the basic reconstruction of interstate and business relations will inevitably follow from this process.

Самой характерной чертой современности, согласно мнению многих экономистов, является процесс глобализации мировой экономической системы, проявляющейся в формировании мировой экономики нового типа, основанной на интернационализации хозяйственной деятельности отдельных государств, создании общемировой рыночной системы с единой инфраструктурой.

Среди исследователей нет единой точки зрения и на проблему воздействия глобализации на мировое сообщество. Одни рассматривают ее как благо, другие – как зло. Профессор Парижского института политических исследований Б. Бади, например, понимает глобализацию как «гомогенизацию мира», как «жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям, следование единым обычаям и нормам поведения, стремление все универсализировать»¹.

Такой подход к современному состоянию мирового хозяйства предполагает его прогресс, создание предпосылок для установления в будущем общества, избавленного от таких социальных болезней, как бедность, безработица, голод. С точки зрения его сторонников, в мире происходит складывание единой глобальной взаимозависимой экономики, разрушение национальной обособленности стран, ускорение финансовых потоков и движения

